

Так уж случилось, что я занимаюсь историей югославянских народов всю жизнь. Все страны бывшей Югославии имеют свои особенности и неповторимые черты, в их истории много интересного. Но изучать историю сербского народа оказалось столь увлекательно, что этот процесс длится уже более 45 лет. И чем глубже познаёшь историю этого народа, тем понятнее становится желание Запада сегодня его ослабить, раздробить и подчинить. Сербь – самый многочисленный народ на Балканах. Сербия для многих стала синонимом непоколебимого боевого духа, независимости, гордости, непокорности, а я бы добавила: доброты, щедрости, наивности и простодушия. Сербь, впрочем, как и русские, всегда больше думали о тех, кто рядом с ними, кому нужна помощь и поддержка, чем о себе.

Сербов и русских связывают столетия дружбы. Мы считаем сербов братским народом, они Россию – Матерью. Такой любви к русским вы не встретите нигде, кроме как в Сербии. Никто об этом не сказал лучше, чем русский писатель Леонид Андреев ещё в начале XX века: “В Сербии нас любят – горячей, искренней, почти нежной любовью. Попробуйте, кто бы вы ни были, проехаться сейчас по её окровавленным полям и городам... и вам покажется, что вы владетельный князь, пророк, сам ангел Божий – такую любовью и почтением окружают вас эти измученные люди! Последний ковёр постеляют они под ваши русские ноги, отнимут от своих голодных уст последний кусок хлеба – и с божественной щедростью бедняка угостят вас, драгоценнейшего гостя из милой России. Молясь Богу, кого они упоминают в молитве прежде своих детей? – Россию... Нас так мало любят вообще и так мало уважают... И тем более должны мы дорожить этой нежной и доверчивой любовью: в ней залог не только сербского, но и нашего возрождения”.

Меня часто спрашивают, почему вдруг я стала заниматься историей балканских народов? Прямого ответа на этот вопрос нет, но это был осознанный выбор, и я убеждена, что он был сделан правильно. Предлагаю вашему вниманию некоторые наиболее яркие зарисовки того, что запомнилось на моих “балканских дорогах”.

Почему Балканы?

Родилась я в Москве, росла в семье военного, прошедшего всю Отечественную. Отец получил самую высшую награду страны – звание Героя Советского Союза, когда ему было всего 19 лет. И всё моё сознательное детство прошло в военных городках. У нас, послевоенного поколения, было мало игрушек, но было много книг, мало фильмов и театров, но много друзей и коллективно творчества. Помню, как каждый день в 16 часов мы, малышня, собирались в дворовой беседке на спевку. И кто-нибудь из женщин-активисток нас учил патриотическим песням. “По долинам и по взгорьям”, “Там, вдали за рекой” не забудутся никогда. Я их даже пела своим детям вместо колыбельной.

Родители не занимались моим воспитанием, тогда это было не принято. Они радовались мирной жизни после пережитых ужасов войны, были молоды и веселы. В моё время не читать было стыдно, как не ходить в театры, музеи, на выставки. Когда я училась в старших классах, мы жили в военном городке в 25 км от Москвы, и именно туда всегда стремились попасть, желательно без родителей. Мы с друзьями быстро научились ездить в столицу и самозабвенно “набираться культуры”. Мы знали все московские музеи, следили за выставками, ездили на экскурсии. Здание Московского Английского клуба XVIII века производило на меня сильное впечатление, поэтому размещённый там Музей революции стал любимым.

У папы за плечами была военная академия, у мамы – высшее юридическое образование, поэтому для меня не существовало дилеммы, поступать ли в университет. Всегда я была отличницей, хорошо шли и гуманитарные предметы, и математика. Школа в военном городке давала то, чего не имели дети больших городов: мы умели дружить, были активными, дисциплинированными и целеустремлёнными. Любопытный факт. Из двух выпускных классов нашей школы в 1967 году только четыре человека не поступили в вузы. Практически все получили высшее образование. И мало кто готовился к поступлению дополнительно с педагогами. Такие у нас были учителя.

В 10 классе я колебалась между историческим и юридическим факультетами. Победила история. На исторический факультет МГУ помогла поступить медаль, которую я получила в школе: сдавала только один экзамен.

Учёба в МГУ – незабываемое время познания, открытий, самостоятельности и ответственности. Мне казалось, что я ничего не знаю, поэтому училась упорно, сдавала все экзамены, занималась общественной работой – вела с другом исторический кружок в одной из московских школ. После второго курса надо было выбирать узкую специализацию. Мне хотелось попасть на Кафедру истории южных и западных славян, куда брали только лучших студентов. По баллам я проходила спокойно. Но какую страну выбрать из четырёх славянских – Польшу, Болгарию, Чехословакию, Югославию? На слуху в то время была Болгария, поэтому я, как многие, склонялась к Болгарии. Но пришли “подсказки”, прочитала, как писал Иво Андрич*, “знаки вдоль дороги”. Совершенно разные люди, в том числе и отец, обратили моё внимание на “очень интересную страну” – Югославию, о которой я ничего не знала. Побежала сразу в библиотеку, стала искать книги, читать. Выбор оказался правильным, я бы даже сказала судьбоносным. Югославия на всю жизнь увлекла меня своей необычной историей. Мои учителя, и, прежде всего, профессор В. Г. Карасёв, готовили из меня специалиста по истории Сербии XIX века. Дипломная работа была по Первому сербскому восстанию, кандидатская – по Уставохранителям**. И только потом проявился интерес к современной истории.

Знакомство и любовь

Постигали историю Югославии и язык мы упорно, но там не были. Однако нам посчастливилось: на истфаке мы были первыми, кто поехал на практику в Югославию. Долго не верилось, что я действительно увижу “мою”

* Иво Андрич – югославский писатель, Нобелевский лауреат.

** Уставохранители – защитники устава (то есть конституции) – политическая группировка в Сербии в 30–50-х годах XIX века, выступала за введение конституции, ограничение власти князя.

страну. Десять студентов Исторического факультета в сентябре 1970 года целым месяцем провели на Балканах. Мы объездили почти все республики, познакомились с традициями, культурой разных народов, посетили архивы и библиотеки, получили первую языковую практику. И... бесконечно влюбились в Югославию.

Нам многое казалось невероятным: магазины, полные продуктов, небрежно и как-то вольно одетые студенты, никого не волнующие порнофильмы, ночные дискотеки в крепости Калемегдан, обнимашки и поцелуи влюблённых парочек на улице. Помню, как мы с подружкой бегали по кондитерским на центральной улице Маршала Тито, пропуская обеды и ужины. Большим потрясением была встреча со случайным прохожим, который, услышав русскую речь, воскликнул: “Боже, вы из Москвы, вы русские! Чем я могу выразить свою любовь к России?” И вручил нам, опешившим студенткам, большую авоську яблок. Это была первая встреча с огромной любовью сербов к русским. А ведь тогда, после 1948 года, когда были полностью прерваны отношения между СССР и Югославией, сербам запрещалось хоть как-то выражать свои симпатии к русским. А русские тоже постепенно забывали о том, что наши народы – братья. И мы, молодые и неопытные, открывали для себя этот забытый мир общей судьбы, одного корня.

Отношения между СССР и Югославией тогда ещё были натянутыми, поэтому, наверное, профессура Белградского университета нас полностью оградила от югославских студентов (может, боялись нашего “коммунистического” влияния?). Преподаватели (не ниже доцента) сами сопровождали нас во время поездки по стране. Но все равно мы жили в студенческих общежитиях, и горячие сербские юноши отчаянно ухаживали за нами, звали замуж. Но мы тогда не позволяли себе вольности, хотя веселились от души. Да и замуж я уже собиралась, купила себе фату в Белграде, ведь у нас такой красоты найти было невозможно. В этой фате потом все мои подружки замуж выходили. Тогда же появились первые знакомства, переросшие в многолетнюю дружбу. И окрепло чувство уверенности в правильности выбранного пути. А путь не был лёгким. Начала я трудиться в Институте научной информации по общественным наукам РАН как специалист по современной Югославии, но ездить в Югославию возможности не было, и писали мы свои статьи только в закрытые издания.

А потом – 15 лет снов о Югославии. Действительно, каждую ночь мне снился Белград, но только средневековый, я бродила по нему, знала все повороты улиц, но никак не могла дойти до цели, куда стремилась, – в центр, ближе к реке... И только в 1985 году я снова приехала в Белград на четыре месяца, уже писать докторскую диссертацию. Сны прекратились, наступила явь: упорная работа по сбору материалов, совершенствованию языка. Я узнала многих учёных, с которыми дружу и по сей день, получала от них бескорыстную помощь и поддержку. Всё получилось. И с 1990 года я езжу в “мою” страну постоянно. Мне кажется, мы хорошо знаем друг друга, уважаем и поддерживаем наши отношения на высоком научном уровне.

Моя особая любовь – гостеприимный Белград. Как и любая столица, этот город приглашает специалистов в свои библиотеки, архивы, музеи, туристов – в галереи, театры и концертные залы, на экскурсии по рекам Дунаю и Саве, по средневековой крепости Калемегдан, в храмы и соборы. Однако у города есть ещё одна особенность – чувство вечного праздника в будни, выходные и в любую погоду. Возможно, это из-за всегда заполненных уличных кафе, возможно, из-за улыбок на лицах прохожих, а может, из-за яркого солнца и радостных глаз.

С Сербией связано одно необъяснимое явление – приехавших сюда русских всегда охватывает чувство сопричастности к происходящему, ощущение родства душ и взаимопонимания. Схожесть языка приносит лёгкость и радость общения. У сербов великолепное чувство юмора, они любят друзей хорошо попотчевать, они открыты и хлебосольны, как и мы. В Сербии любят национальные танцы и песни, без них не обходится ни одно торжество, ни одно застолье, здесь весело отмечают праздники вина и ракии, запечённого мяса и колбас, урожая слив и винограда.

Сербия страна удивительная: она любит прогресс, но всегда сохраняла свои исторические традиции и оберегала обычаи. В Сербии ещё пока можно говорить о традиционности семейных отношений, о соблюдении православных

праздников и обрядовости свадеб, крещений и проводов в армию. В стране много средневековых монастырей, ухоженных и почитаемых. Недалеко от Белграда раскинулось взгорье Фрушка-Гора, названное Святой землёй из-за имеющихся там сакральных мест, построенных в разное время пятидесяти монастырей. Фрушка-Гора “помнит” в своём окружении цивилизации, чей возраст насчитывает почти 100 000 лет.

Москва: казалось, нас никто не слышит

Труднее всего вспоминать 90-е годы прошлого века. Мы столкнулись с реальностью, которую можно назвать одним словом – “беда”. Я росла в убеждении, что мы, дети победителей, никогда не увидим войны. А тут – войны, горе, страдания и... хаос. Поди разберись, кто прав, кто виноват. То-го, что Югославия так кроваво распадется, не ожидал никто, даже специалисты. Казалось, что и для руководства молодой России события на Балканах были большой неожиданностью. Журналистов, которые бы специализировались по Югославии, не хватало, опыта работы в конфликтных регионах не было, материальные и технические средства отсутствовали. Единственный журналист первого телевизионного канала, периодически передававший информацию о событиях в Хорватии, Виктор Ногин, был убит при невыясненных обстоятельствах в начале сентября 1991 года.

В газетах о Югославии писали очень мало, просачивалась лишь информация западных агентств. Мелькали незнакомые названия городов и сёл, фамилии новых политических лидеров, а в сути событий обывателю разобраться было трудно. Несколько лет понадобилось России, чтобы подготовить журналистов, которые могли поехать на Балканы.

А потому первыми, кто писал в российских СМИ, стали учёные-югославы, хорошо знавшие страну, её обычаи, историю, культуру. Они пытались разобраться в происходящем, скорректировать складывавшееся общественное мнение, вводили в оборот новые факты и данные, замалчивавшиеся западными СМИ. Но в условиях политического хаоса, когда поддержка политики президента понималась как необходимость единства точек зрения по вопросам внешней политики в печати, сделать это было крайне трудно. Фактически на страницах газет 1992-го и первой половины 1993 года велась настоящая информационная борьба за объективность. Poleмика была жёсткая, с разделением на “просербские” и “прозападные” лагеря, с навешиванием ярлыков, бурными дискуссиями.

Тогда статьи публиковать было очень трудно, хотя они имели тёплый отклик читателей. В “Московских новостях”, например, у меня из одной статьи полностью вырезали материал о преступлениях хорватов в Западной Славонии, дописав, без моего ведома, абзац о демократических изменениях в позиции хорватского президента Ф. Туджмана.

За все годы югокризиса на ТВ не было ни одного серьёзного обсуждения проблемы конфликта на Балканах, даже комментарии, когда это было необходимо, делали не специалисты, а люди, далёкие от региона. Любой фильм, который объективно отражал события, годами “пробивался” в эфир. Так, например, случилось с несколькими фильмами, снятыми журналистом Борисом Костенко. Журналистов, которые пытались добиться объективности в освещении балканских событий, увольняли с работы.

Балканский кризис фактически расколол российское общество на патриотов и “западников”. Причём последние, ярким представителем которых являлся министр иностранных дел А. Козырев, всячески навешивали ярлыки на первых, называя их “национал-большевиками”, “национал-патриотами”, которых характеризует “односторонность, национал-патриотизм с квасным, славянско-православным, как, впрочем, и тюркско-мусульманским духом”. Ещё нас называли “красно-коричневой профессурой”.

Министр иностранных дел А. Козырев – особая фигура на дипломатическом Олимпе новой России. Малообразованный, тщеславный, он скорее служил западной дипломатии, был её представителем в России. О нём говорить можно много, поскольку на Балканах он совершил много промахов, но есть несколько сцен, мимо которых пройти невозможно.

А. Козырев и “красно-коричневая профессура”

А. Козырев сыграл в судьбах России и Югославии крайне негативную роль. Россиян он называл “бывшими совками”, у которых “нет собственной гордости”. Западу угождал, услужливо слушал советы, отчитывался за выполненную работу. А однажды во время беседы с госсекретарём США Дж. Бейкером (9 июня 1992) он просил: “Помогите России стать демократическим государством — и тогда очень многое станет возможным”. А в разговоре с Ричардом Никсоном он сказал, что “одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах... Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен”. Такого ещё мир не видел — министр суверенной России просил бывшего президента США помочь ему в определении национальных интересов России! Никсон был удивлён. Присутствовавший при разговоре американский политолог Саймс заметил: “...я не уверен, насколько он понимает характер и интересы той державы, которую представляет”.

В самые трудные годы югославского кризиса российская дипломатия руководствовалась идеями Козырева войти “в качестве великой державы в семью наиболее передовых демократических государств... в так называемое западное общество. Это столь же естественные союзники демократической России, как и заклятые враги тоталитарной системы...”. Одним из инструментов такой политики считалось единство всех членов СБ при голосовании. Козырев чётко придерживался этого правила, даже если это было несправедливо или не в интересах России.

Так, 30 мая 1992 года Россия в Совете Безопасности голосовала за резолюцию, которая вводила жесточайшие санкции в отношении Югославии. Министр сделал это скрытно, не оповестив ни Верховный Совет, ни его руководителей, ни правительство. Как подчёркивал он позже, у него было только полчаса на консультации после получения известной телеграммы от представителя РФ в ООН Ю. Воронцова из Нью-Йорка с предложением поддержать санкции.

А. Козырев срочно ответил Ю. Воронцову: “МИД считает целесообразным согласиться с предложением представительства и, если не поступит других указаний, проголосуем завтра за резолюцию”. А. Козырев предпринял всё, чтобы исключить возможность дискуссий и “других указаний”. При этом он знал, что его не поймут в России, поэтому сделал циничную приписку о том, какое заявление должен сделать МИД, чтобы разъяснить народу свою позицию: не концентрироваться на санкциях, а говорить об ответственности СБ за урегулирование политического кризиса, подчеркнуть, что Россия сделала намного больше других стран для поддержки Сербии, но её терпению пришёл конец. Именно с этого времени цинизм стал главной характеристикой деятельности МИДа на балканском направлении: его действия стали расходиться со словами; для российской, югославской и западной общественности делались разные заявления; постоянно заявлялось о помощи сербам, в то время как сама политика была открыто антисербской. Отправив ответ Ю. Воронцову, А. Козырев в тот же день говорил корреспонденту “Известий”, что “мы сделали всё возможное, чтобы помочь нашим друзьям в Сербии и других республиках, чтобы найти выход из кризиса”. Но в Сербии не слушают его “дружеских советов”, а “понимают только язык диктатора”. Он пообещал сербам “говорить с ними другим языком”, имея в виду санкции, вернее, оправдывая свою готовность поддержать санкции и даже “международное вооружённое вмешательство”.

Российский парламент был возмущён и потребовал от министра объяснений. Комитет по международным делам и внешнеэкономическим связям Верховного Совета принял решение рассмотреть вопрос, почему Россия присоединилась к санкциям. Меня пригласили на заседание в качестве эксперта.

Вёл заседание Е. А. Амбарцумов, главным гостем был А. Козырев, который давал депутатам отчёт о своих действиях. Заседание было закрытым, записи делать не разрешалось. Поэтому по памяти воспроизвожу несколько любопытных моментов. А. Козырев говорил многословно, но без серьёзных аргументов. Звучали его рассуждения о том, что терпение России лопнуло, что Белград не хочет слушать добрых советов, что он дискредитировал себя,

что нельзя себя противопоставлять всему миру, что Россия как великая держава не может оставаться в стороне от активности ведущих стран мира, а должна поддерживать их, своим единством укрепляя роль Совета Безопасности, что тактика МИДа приносит успех, что нельзя вставать в оппозицию Совету Безопасности, поскольку это бы поставило под удар отношения России с Западом.

Меня тогда удивила и одновременно обрадовала реакция депутатов – они возмутились позицией министра, делали реплики и замечания даже во время его выступления. Депутат космонавт В. И. Севастьянов крикнул тогда громко и неожиданно резко: “Вы разбили хрустальный сосуд!” – “Какой?”, – недоумённо спросил А. Козырев, прервав свою речь. Ответ был прост: “Вековой дружбы между сербским и русским народом!”

Депутаты, избранные в ВС из разных уголков огромной страны, владели вопросом, знали об исторических связях России и Сербии, остро чувствовали несправедливость по отношению к Югославии, о которой тогда вообще мало сообщалось в российской печати. Чтобы укрепить свои позиции, министр привёл, на его взгляд, крайне убедительные аргументы. “Не пойму, почему вы всё время говорите о православной Сербии и не вспоминаете другие православные страны?” – веско бросил он в зал. “Какие?” – удивились депутаты. “Ну, например, Словению”, – ответил министр. В зале раздался дружный смех. Но А. Козырев не понял, почему депутаты развеселились. Министр иностранных дел великой России не утруждал себя сведениями о регионе, о событиях, которые там происходили, был поверхностен в своих познаниях, путал географические названия, например, Славонию и Словению, даты, имена. Второй аргумент был ещё более интересным. “Россия, как и весь мир, не могла терпеть, когда югославская армия обстреливала Дубровник, памятник мировой культуры, город-музей, всемирно известный город в Боснии и Герцеговине*”. В зале снова раздался смех. Но министр и в этот раз не понял, в чём его ошибка. Чувствовалось, что Козырева раздражает то, что он вынужден объяснять свою позицию, искать аргументы, вообще отвлекаться на Балканы в тот момент, когда он уже осуществляет план вхождения России в дружную семью западных стран.

Именно в те годы, собирая по крупицам материалы, я выпустила сборник документов “Югославия в огне” и “Югославский кризис и Россия”. Тогда ещё не было интернета, мобильных телефонов, поэтому процесс был кропотливым, медленным. Но я очень довольна: теперь многие документы и в интернете не найти, а без них начала кризиса на Балканах не понять. Да и “козыревщина” через документы хорошо видна и, надеюсь, не останется в истории незамеченной.

Миротворчество

Главной движущей силой в работе была любовь к стране изучения, а в начале 90-х – желание помочь тем, кто попал в беду. В начале 1994 года мне позвонили из ООН и пригласили на работу в штаб миротворческих сил в Загреб, сказав, что по требованию Ясуши Акаши** собирают группу экспертов по Балканам. Вот тут я смогла воочию увидеть масштаб югославской трагедии, необъективность и политику двойных стандартов международных организаций. Ужасала беспомощность при наличии огромных возможностей. Именно тогда пришло осознание того, кому надо помогать. Именно сербский народ в те трагические годы остался без помощи и поддержки. Даже Россия не помогала. И я знала, что должна делать: собирать документы и писать. Писать правду о событиях, которые видела, которые знаю, чтобы оставить в истории документы будущим поколениям историков. Так появилась первая большая книга по истории кризиса.

Полгода в горящей Югославии – это огромный опыт, который перевернул моё сознание, наполнил меня фактами и данными непосредственно с места событий. . .

Главный штаб Миротворческих сил ООН (СООНО) находился в Загребе. Здесь в сентябре 1994 года работали около 1,5 тысячи человек. Сюда стека-

* Дубровник – город в Хорватии.

** Ясуши Акаши – руководитель миротворческой миссии ООН в бывшей Югославии, личный представитель Генерального секретаря ООН.

лась информация со всех уголков Боснии, Македонии, Сербии и Хорватии. Все службы ежедневно готовили отчёты по своей линии, которые обобщались и систематизировались. Загреб, в свою очередь, постоянно информировал головной офис ООН в Нью-Йорке, готовил отчёты о положении в каждом подразделении и миссии в целом.

Я приехала работать в Загреб в апреле 1994 года в качестве научного эксперта по Балканам в создававшееся подразделение по анализу и оценке событий непосредственно в офисе Ясуши Акаши. Штаб СООНО, размещённый в одном из бывших гарнизонов Югославской народной армии, удивлял продуманностью своей организации, чёткостью работы всех ведомственных служб, богатством снабжения, роскошью питания. На небольшой территории было всё, что нужно для нормальной работы, и даже более того. В штабе был свой ресторан, где за 2 доллара ты мог вкушать яства в неограниченных количествах, магазины, химчистка. На этажах постоянно была питьевая вода, горячий кофе. В офисе у нас не было недостатка в компьютерах, принтерах, оргтехнике, канцелярских товарах, мебели, холодильниках, телевизорах. Любые книги, копировальные аппараты. В распоряжении сотрудников были машины, самолёты, вертолёты. Зарплаты у служащих СООНО были очень высокие. Жили все комфортно, снимали квартиры, ездили по близлежащим городкам в поисках экзотических ресторанов, отдыхали на море, приглашали к себе в гости семьи. В штабе часто устраивались вечеринки – по поводу назначения, дня рождения, отъезда, иногда просто без повода. Наш холл, например, облюбовали натовцы, которые имели офис на нашем этаже. Раз в месяц они устраивали “пати” с вином и печеньем.

Русских офицеров в миссии было много, а вот гражданских лиц – крайне мало. В основном это были бывшие сотрудники международных организаций, которым не хотелось возвращаться в нищую Россию. Они искали любую возможность, чтобы не уезжать на родину. Многие из них даже порвали все связи с домом, продали квартиры, начали строить дома в США или Брюсселе. Но в миссии они считались русскими и заполняли так называемые национальные квоты. Ко мне как к русской отношение было достаточно настороженное. Я не скрывала своих убеждений, хорошо знала ситуацию на Балканах, и мне казалось, что в нашей экспертной группе мы стремились быть объективными. Поэтому впоследствии так же “настороженно” в штабе стали относиться и к другим сотрудникам группы, которые слаженно работали “с русской”. Кроме написания аналитических материалов и прогнозов ситуаций, мы должны были хорошо изучать положение в Югославии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии. Можно это было делать по газетам и другой официальной информации, но я использовала своё служебное положение, чтобы проехать всю Хорватию, Краину, Сербию и Черногорию, частично Боснию, чтобы на месте своими глазами увидеть, как развиваются события, поговорить с людьми, записать рассказы очевидцев.

Вот небольшие выдержки разговоров с людьми из Республики Сербской Краины в Хорватии в августе 1994 года.

Милан Бабич, тогда министр иностранных дел РСК: “Помню, что говорил мне мой дед, когда вёл меня в школу. “Когда идёшь в школу, будь вежливым, здоровайся со всеми соседями. Но помни, что в этом доме живут те, кто прятал твоих родственников от фашистов во Второй мировой. А в том доме живут усташи*, которые убивали и мучили многих из нашей семьи. Никогда этого не забывай”.

Любомир Маджарац, председатель общины Глина (Баня), симпатичный молодой человек около 30 лет, эмоциональный, открытый, прямолинейный. “В общине – 17–18 тысяч человек, за 3,5 года погибли 130 человек, ранены более 200. Из общины уехали 4,5 тысячи хорватов, приехали из Хорватии 2,5 тысячи сербских беженцев. Как все начиналось? В середине июня 1991 года хорваты зверски убили и сбросили в реку Глину двух сербов. Тогда нам стало ясно, что мира с хорватами не будет. 25 июня Хорватский Сабор** провозгласил отделение, а 26 утром хорватские спецединицы МУП*** уже вошли в наш город, чтобы занять его...”

* Усташи – хорватская фашистская ультраправая, националистическая организация.

** Парламент.

*** МУП – Министерство внутренних дел.

Зоран Белдар, председатель общины Мирковцы: “Мирковцы — пригородный район Винковцев — лежал на перекрёстке дорог, в городе у нас был большой военный склад, принадлежавший ЮНА, который они хотели занять. Осенью 1990 года началось давление, прежде всего, на наших детей, которые ходили в школы в Винковцы. Начали их бить. Наши люди не могли больше лечиться в больнице в Винковцах. Им отказывали в приёме, выписывали “антилекарства”. Уже перед самой войной сербов заставляли подписывать бумаги на лояльность хорватской власти. Эту бумагу выдавали на рабочем месте. Ни один серб, православный, не желал подписывать этот документ. Всех не подписавших включили в списки неугодных сотрудников. Получалось, что ты должен плевать сам на себя. Затем подошло время замены государственных символов — шаховница, герб, а это для нас усташеские отличия. Всё, что было в государстве, становилось хорватским. Средства массовой информации делали всё для сатанизации сербов. До сих пор на каждой газете “Хорватский вестник” в Винковцах сверху пишут “Проклятые сербы были там, где им место”. А в газете “Слободни Тъедник”, это полицейская газета, публиковались в каждом номере списки нелояльных сербов, их досье. И эта газета лежала в каждой кафане, и каждый знал, что это полицейская газета, значит, можно спокойно убить этого человека. Многих избивали. Люди пропадали”.

“Запрещён вход сербам и собакам...”

О том, что творилось в Хорватии в 1990 году, у нас писали мало, почти ничего. Хорватия хотела создать своё государство без сербов, поэтому анти-сербская политика была последовательной и устрашающей. Особым видом запугивания сербов было минирование их домов, торговых палаток, служебных помещений. В воздух взлетали сербские дома, магазины, парикмахерские, киоски, автомобили, принадлежавшие сербам. Только за несколько первых месяцев 1991 года в Хорватии было сожжено около 50 киосков газеты “Борба”. Тогда мне попал в руки плакат, развешенный в городе Даруваре. Он должен был помочь хорватам распознать среди соседей сербов. Предлагалось “узнавать” их по употреблению сербских слов, по тому, о чём они говорят, как поступают. Вот только небольшая выдержка из этого плаката: “Они говорят о демократии и правах человека... они “нейтральны”, и для них все одинаково виновны в этой войне... для них хорватское государство ничего не значит, они больше хотели бы жить в “демократической Югославии”, чем в недемократической, но самостоятельной и суверенной Хорватии... Вы их узнаете в тех... кто боится идти на отдельные объекты, так как на двери написано: “Запрещён вход югославским военным, четникам* и собакам...”.

А другая листовка предлагала делать сербам мелкие пакости, чтобы испортить им жизнь и заставить уехать из Хорватии: “...Пусть возвращаются в свою Сербию. Пусть вернут десятки тысяч квартир, которые граждане Хорватии для них на своей крови построили... Используем и мы все средства без применения оружия и силы, которые может осудить мировая общественность. Выгоним их с помощью “мелочей” — не забывайте, что они ваши соседи!

1. Паркуйте свои машины так, чтобы они не могли выехать на своих.
2. Выпустите у них воздух из колёс, не режьте.
3. Засуньте зубочистки в замочные скважины их квартир, чтобы они не могли войти.
4. Тем же способом испортите замки.
5. Будьте их ночью телефоном каждые полчаса.
6. Не разговаривайте с ними и членами их семей.
7. Звоните им из подъезда долго и настойчиво каждый раз, когда сможете.
8. Не занимайте у них ничего, и не давайте займы сами.
9. Ни в чём не помогайте им, если только речь не идёт об их болезни или жизни их детей.
10. Не позволяйте, чтобы ваши дети играли с их детьми... Изолируем их... покажем, что они нежелательны здесь...”

* Четники — сербские повстанцы-партизаны, сначала выступали против турецких оккупантов, потом — против австро-венгров в начале XX века. В годы Второй мировой войны — специальные подразделения югославской королевской армии. Четниками усташа называли всех сербов.

Интриги Козырева

Летом 1994 года мы получили от Ясуши Акаши задание разобраться с вопросом открытия Тузлинского аэродрома. К нему обращались с претензиями сербы, что не выполняются условия подписанного договора по передаче аэродрома силам СООНО. Разбираемся. Оказывается, договор с сербами, которые держали аэродром под своим контролем, подписал министр иностранных дел А. В. Козырев в феврале этого года. Говоря от имени Москвы, он активно уговаривал сербов открыть аэродром для самолётов миротворческих сил. Сербы боялись, что никто не сможет контролировать доставку оружия мусульманам, как это всегда получалось, когда аэродром переходил ООНовцам. Решающим аргументом, убедившим сербов пойти на уступки, стала готовность российских военных контролировать Тузлинский аэродром. А. Козырев пообещал, что и сербские офицеры будут ежедневно наблюдать за доставляемыми грузами; Россия же, со своей стороны, “примет существенное участие в установленном международном контроле за невоенным использованием аэропорта”. “Существенное участие” оговаривалось в составе 20 человек военных наблюдателей и гражданской полиции. Сербы согласились. “Мы верим в беспристрастность русских. Их присутствие – гарантия того, что вместо продовольствия мусульмане не будут получать оружие”, – заявил Р. Караджич. Аэропорт открыли. Россия праздновала большую дипломатическую победу. Но ни одно из обещаний России выполнено не было. Русские, а тем более сербские наблюдатели на аэродроме не появлялись. Как и опасались сербы, через аэродром шли военные грузы для мусульман. Когда мы обо всём доложили Ясуши Акаши, то он удивлённо сказал: “Этот договор является нелегитимным. Козырев не имел права его подписывать от имени СООНО. Его никто на это не уполномочивал”. В очередной раз обманули сербов. На этот раз с помощью России.

Русбат

Работать в Загребе было трудно: чтобы успеть и аналитическую работу сделать, и свои записи привести в порядок, приходилось сокращать время сна. Да и люди тебя окружают все чужие. И менталитет у них другой, и обычаи, и порядки, и даже методика писать докладные записки. Отдушиной был русский батальон, стоявший около Вуковара. Туда уезжала я и на праздники, и лекции читала, и просто отдохнуть. Мы много разговаривали с руководством батальона, поэтому я знала, как ответственно относились наши военные к поставленным перед ними задачам. Вот только некоторые цифры.

В составе батальона, который формировался в Рязани на базе сил ВДВ, было пять рот. Из 900 добровольцев – 77 офицеров, около 100 прапорщиков, остальные – сержанты и солдаты срочной службы, имевшие не менее года армейского опыта. Русбат отличался высокой дисциплиной, огромной работоспособностью, первым вошёл в зону своей ответственности, где была разрушена почти вся инфраструктура, первым развернул контрольные посты и установил линии разграничения между противоборствующими сторонами. В некоторых секторах этого не было сделано и до окончания миссии. В феврале 1994 года во время так называемого сараевского кризиса 400 российских миротворцев были переброшены в Сараево, где был сформирован Русбат-2. Длина зоны ответственности Русбата-1 составляла 100 км, а ширина – 50, у соседей – Бельгийского батальона – эти параметры были в два раза меньше. Бельгийский батальон в составе 700 человек, размещавшийся на севере сектора, установил на границе разделения сил девять контрольно-пропускных пунктов (КПП), а Русский батальон – 62.

С хорватской стороны под контролем Русбата находилась Оперативная зона “Осиек”, которой командовал генерал Джуро Дечак. У хорватской стороны отношения с Русским батальоном складывались непросто. Они изначально видели в русских защитников сербов. Хорватским солдатам на КПП запрещалось вступать в контакт с русскими военными. В своей неприязни хорваты иногда доходили до абсурда. 2 июля 1994 года командующему сектором “Восток” генералу А. М. Перелякину поступило письмо из Министерства обороны Хорватии следующего содержания: “Сегодня утром члены СООНО (Русбат) в районе между Антуновацем и Бриестом (X-52500, Y-40500) обращались

к нашим солдатам и приглашали их выпить пиво. Это может рассматриваться как провокация. Просим Вас проверить эту информацию и прекратить подобные случаи”.

Тогда, в 1994 году, мне удалось поговорить с генералом Джура Дечаком, который к тому же был и членом президиума правящей партии Хорватское демократическое содружество (ХДС), о сотрудничестве с Русским батальоном. “22 месяца я являюсь командиром корпуса. У хорватской стороны существует антагонизм к православию, а значит, и к Русскому батальону!”

Две роты российских миротворцев вводили в Боснию и Герцеговину срочно в феврале 1994 года (**Русбат-2**). От скорости размещения батальона зависело, будут или нет натовцы бомбить сербские позиции. В ночь с 19 на 20 февраля небольшая группа (около восьми человек) под командой замполита Евгения Кобозева “влетала” в Грбвицу. А на следующий день, 20 февраля входил весь батальон. На всём протяжении пути их с восторгом встречали сербы. На танки, впервые после Второй мировой войны, сажали детей, русским солдатам дарили цветы и вино. В знак приветствия – три пальца*. Российские миротворцы были размещены в полуразрушенном здании бывшей муниципальной школы. Штаб СООНО, видимо, преднамеренно, обходил своим вниманием российских солдат. Им и зимой не вставляли стекла в окна, не снабжали горячей водой, не подвозили регулярно продукты. Часто в Русбате не было бензина, не говоря уже о том, что заявки на холодильники, телевизоры или компьютеры вообще не удовлетворялись, хотя “такие мелочи” во всех других подразделениях миротворцев были в больших количествах.

Я посетила Русбат-2 в сентябре 1994 года. Тогда комбатом был полковник Воробьёв Виктор Владимирович, а его заместителем по воспитательной работе – подполковник Чумаков Владимир Викторович. Нелегко было солдатам и офицерам нести службу в таких трудных условиях. Они показывали мне гору на противоположной, “французской” стороне, где при полном попустительстве миротворцев мусульманские окопы, как ступеньки, всё ниже и ниже спускались по склону и вплотную приближались к позициям наших миротворцев. Я видела, как ствол мусульманского пулемёта находился всего в трёх метрах от русского постового. Наши солдаты специально подводили меня к этому месту, чтобы я лично убедилась в этом. И здесь произошла комичная сцена, вызванная нашей русской безалаберностью и беспечностью. Уже когда мы стояли непосредственно перед мусульманским стрелком, наши спохватились, что я – без опознавательных ООНовских знаков, без бронезилета и голубой каски. Один молодой солдатик пытался на мою голову натянуть свой голубой берет, но он был мне бесконечно мал. Судорожно стали искать что-нибудь голубое. “Ну, прикритесь хотя бы зонтиком, на нём есть голубые полосы”, – предложил другой. Это было уже смешно. Пришлось быстро ретироваться с очень интересной позиции, много рассказавшей о поведении различных подразделений миротворцев.

Тогда мне удалось ненадолго съездить в Сараево и даже пройтись по Баш-Чаршии, главной торговой улице города. Я нарушила все запреты и вышла из БТРа, чтобы своими глазами увидеть, как и чем живёт город. Сопровождавший меня подполковник Чумаков, называвший себя по старинке замполитом, не смог меня отговорить от “прогулки” по городу и был вынужден выйти вместе со мной. Ему было опаснее, чем мне. Я – без опознавательных знаков, а у него на рукаве – нашивки российского офицера. Это вызывало особую неприязнь мусульман.

Как все изменилось с далёкого 1970 года, когда я ещё студенткой была здесь на практике! Тогда весь центр занимали колоритные низкие глиняные торговые и ремесленные лавки. К 90-м их заменили современными киосками. Некоторые из них тогда были разрушены, но многие работали, в основном ювелиры и чеканщики. До сих пор перед глазами стоит картина, как высокий, красивый, очень пожилой мусульманин-торговец в домашних тапочках с маленьким медным подноском и чашечкой кофе на нём пересекает узкую торговую улочку и идёт, видимо, к другу, чтобы отдохнуть, поболтать о последних новостях. Мирная картина в военном Сараево. На память, чтобы подтвердить свой визит в столицу Боснии в 1994 году, я купила маленькую медную ступочку для перца за огромные деньги. Она до сих пор стоит в моём

* Жест сербов подтверждает, что они православные, крестятся тремя пальцами.

домашнем музее. Всё продавалось только за марки, за мусульманские бонны — только газета “Освобождение”, которую, правда, после недолгих переговоров мне продали за доллары. Книг, которыми я интересовалась, в продаже не было. Из-под полы удалось купить несколько брошюр.

Город не производил впечатления опустошённого. На улицах было много народа, работали кафаны, соседи приглашали друг друга на чашечку кофе, улицы расчищены, хотя следов разрушения было много. Полностью разрушен был музей Гаврилы Принципа, но не сербскими снарядами, а мусульманскими молодчиками. Бесследно исчезла плита с отпечатками его ног, памятная доска на стене здания. Много домов вдоль реки были разрушены во время обстрела, когда снаряды прилетали с той, сербской стороны. Печальное зрелище представляла собой старинная городская библиотека...

20-го вечером мы были в гостях у семьи Петровичей — Александра, командира сербского подразделения в Грбавице, и его жены Любицы, которая работала переводчиком в русском батальоне. Бабушка и дедушка Александра — русские, с первой волной белой эмиграции покинувшие Россию. Любица тоже наполовину русская. Её мама, русская, познакомилась в немецком плену с парнем из Сараева... Александр — не военный, а простой инженер, но пошёл воевать, когда в Сараеве стало совсем невмоготу сербам. Мы с ними один лет, поэтому легко нашли общий язык. Саша — фанатичный патриот. Даже двух своих сыновей, студентов, привёз на фронт, в окопы. “Они должны воевать за Родину, чтобы потом не было стыдно за то, что отсиживались в Белграде”, — говорил он. Красивые, сильные, интеллигентные люди. Сочетание мужества, цельности (он) и нескончаемой доброты (она). Света нет. 2 свечи на столе. И выстрелы всю ночь...

Встречи с Караджичем и Младичем

Борьба, которая ведётся вокруг сербского генерала Ратко Младича, — это борьба добра и зла, патриотизма и предательства, верности долгу и беспринципности, офицерской чести и бесчестья. Он давно уже стал легендой. Газета “Дейли Телеграф” включила его имя в список тридцати известных современных полководцев, напомнив при этом, что те офицеры, которые вели переговоры с ним, считают его гением тактики, но безумцем. На протяжении всей войны с ним искали встречи и политики, и журналисты, но особенно военные — миротворцы из “голубых касок”. Противники его боялись, а сербы любили. Обожили за честность, высокий профессионализм, отвагу, мужество, за любовь и преданность Родине. Его лозунгами были, как он сам говорил, — достоинство, честь, вера и свобода.

Мне посчастливилось говорить с генералом несколько раз. Запомнилась первая встреча в Белграде в 1994 года, которая носила неформальный характер. Меня поразило то, что у него было совершенно славянское лицо (очень похож на моего отца-сибиряка), без какой-либо туретчины. Открытый, с хитрецей, взгляд, доверительный тон, лёгкая улыбка. Он обладает феноменальной памятью, знает русских поэтов и писателей. Младич — прекрасный рассказчик. Он красочно воспроизводил сцены обеда с английским лордом, встречу с американским военным атташе на лестнице русского МИДа в Москве, разговоры с французскими генералами. Генерал прост в общении, умён, образован, знает себе цену, является высоким военным профессионалом, но имеет жизненную позицию, которая роднит его с простым крестьянином. Его жизненная философия проста: сербский народ много страдал в своей истории, пережил несколько геноцидов, но всегда прощал и был добрым, доброжелательным к своим соседям. Народ до конца не верил, что трагедия может повториться. И в этой войне он снова страдал, снова подвергся геноциду. “Я сделаю всё, чтобы этого никогда не повторилось. Сербский народ в Боснии и Герцеговине будет жить в самостоятельном государстве”. Разговаривая с офицерами и солдатами, я поняла, что его не просто любят, а боготворят. Его умение воевать вселяло сербам надежду на победу и на создание собственного государства. Любовь к нему солдат и вера в него всего народа давали ему уверенность в правоте своего дела, которую он до сих пор, а идёт уже 2017 год, отстаивает в Гаагском трибунале.

Мне очень жаль, что сегодня, в угоду тем, кто разрушал и уничтожал Югославию, правительство Сербии устроило облаву на того, кого должно

прославлять как героя, величать победителем и считать настоящим защитником Отчизны. Но времена меняются, это должен знать каждый политик, который преступил законы чести. Сегодня, вспоминая ратные дни, генерал прощает слабых, извиняет неуверенных, понимает нерешительных. Вот только по вопросу предательства он остаётся непоколебимым.

В середине 90-х годов ситуация на Балканах была ещё очень сложная. Вашингтон намеревался показать всему миру своё искусство принуждения к миру. Поэтому отдохнуть время не настало. Прошло несколько месяцев, как я вернулась из миссии ООН. В феврале 1995 года я вновь засобиралась на Балканы. Помню, что планировала в той поездке встретиться с генералом Ратко Младичем и президентом Республики Сербской Радованом Караджичем.

Мне не хотелось ехать к президенту, с которым я не была знакома, с пустыми руками. В аэропорту “Шереметьево” долго выбирала сувенир. Зная Караджича как человека верующего, в конце концов, я остановила свой выбор на деревянном пасхальном яйце в подставке, расписанном палехским художником.

Поездка оказалась трудной. Отвезти нас с Косаной, журналисткой из агентства СРНА*, вызвался один коллега из Белграда. Мы не смогли выехать из столицы рано, поэтому после пересечения границы ночь наступила внезапно и была оглушительной. Когда мы в полной темноте пробирались по дорогам Боснии, то водитель как бы в шутку предупредил, что ночью через это шоссе проходят мусульманские тропы, поэтому надо ехать быстро, без остановок. Чем выше мы поднимались в горы, тем сильнее падал снег и дул резкий ветер. Вдруг – резкая остановка. Прокололось колесо. А дальше началось действие, которое я никогда не забуду. Стоять долго нельзя, свет или подсветку включать тоже нельзя. Как менять колесо в полной темноте? Сначала водитель выгнал нас с Косаной из машины на значительное расстояние и предупредил, что если к машине подойдут мусульмане, то мы должны будем бежать. Выполнить его указание было нетрудно, поскольку уже на расстоянии пяти шагов ничего не было видно. Затем он начал в кромешной тьме на ощупь менять колесо. Самое удивительное было то, что эта операция заняла минимум времени – не более 6 минут. Слава Богу, всё закончилось благополучно, мы вскочили в машину и стремительно понеслись в сторону Яхорины.

Но на этом наши приключения не закончились. На подъезде к Яхорине дорога была заледенелой, машина скользила, потом остановилась и никак не хотела сдвинуться с места на крутом подъёме. Нам с Косаной пришлось вылезти из автомобиля и начать его толкать. Дул сильный ледяной ветер, мела пурга, трудно было стоять на льду, в который превратилась дорога. Наконец, машина сдвинулась с места и мотор стал набирать обороты. Косана успела вскочить на заднее сидение машины, а я поскользнулась и упала. Машина быстро удалялась, а я лежала в колее и никак не могла подняться – скользили и ноги, и руки. Я лежала и смеялась, потому что ситуация была комичной. Мне сверху кричат, дают советы, а я смеюсь, пытаюсь подняться...

Уже в отеле на Яхорине мы долго и возбуждённо обсуждали всё, что с нами произошло. Пытались согреться. В гостинице, занятой сербскими военными, не было горячей воды и тепла. Для нас немного подогрели несколько комнат, и мы смогли отдохнуть. Но не было никакой возможности принять душ, вымыть голову и привести себя в порядок. На фотографиях, сделанных на следующий день, отлично видно, что накануне наше путешествие было нелёгким.

Нас ждал Радован Караджич. Мы вышли на улицу, сели в машину и спустились по улице в посёлок Пале, свернули к небольшому приземистому дому. Хозяин вышел нам навстречу – доброжелательный, улыбающийся. Сказал, что знает обо мне, что много слышал о моей работе от своих коллег и друзей, читал мои статьи и интервью. Обстановка в комнате, где нас принимал президент Республики Сербской, была очень скромной – стол, несколько кресел, на стене – большая и две маленькие иконы, телевизор. Я подарила Караджичу свой сувенир. Он ему понравился. Пасхальное яйцо заняло своё место в ряду сувениров на тумбе слева от телевизора.

Мы проговорили около часа. Конечно, президента больше всего интересовала политика России на Балканах – есть ли какие-нибудь изменения? Я всегда очень резко критиковала политику России на Балканах, поэтому

* Информационное агентство Республики Сербской.

отвечала так, как думала, хотя прекрасно понимала, что Караджичу было больше слушать о том, что изменений во внешней политике России вряд ли следует ожидать, пока министром иностранных дел остаётся Андрей Козырев. Президент вспоминал свои встречи с российским министром иностранных дел, как он от надежд постепенно переходил к недоумению, непониманию, а потом к разочарованию. Жена Радована Караджича предложила нам кофе и сок, хозяин – ракию. Видно было, что Караджич устал от стольких лет дипломатической борьбы, от пустой траты сил, которая уходила на доказательство истины, от поиска союзников. Мне было стыдно за российскую дипломатию, за политику в целом. Но казалось, что президент РС начинал понимать бесперспективность надежд на помощь и поддержку России. Позади был выход из политической изоляции с помощью Дж. Картера, впереди был Дейтон*. Караджич готов был уступить, но Западу была нужна капитуляция.

Мы тепло распросрались, пожелали друг другу всего самого хорошего, сфотографировались на память. Далее мой путь лежал в Хан-Пиесак к командующему Ратко Младичу...

Удивительный человек. Он отвечал досужим журналистам: “Я не создаю никакую великую Сербию, только защищаю сербскую землю и верю в то, что и господин Оуэн завтра в случае надобности защищал бы свой народ... Мы не агрессоры. Нам чужого не надо... Я встал рядом со своим народом. Это мой долг, этому я и учился. Был бы я хирург или журналист, я делал бы то же самое”.

В 1995 году мы встречались в Хан-Пьеске, где находился штаб Армии Республики Сербской. Хозяин был, как всегда, радушен, усадил нас за стол. Меня тогда очень поразила крайне скромная еда на столе – хлеб, сыр, солёные огурцы, мясная нарезка и отварные яйца. Всего несколько тарелок, хотя за столом было восемь человек. Тогда генерал говорил о тех трудностях, которые испытывает армия. Не хватало самого элементарного – постельного белья, продуктов питания, не говоря уж о топливе, боеприпасах. Не обошлось в разговоре и без России. С огорчением генерал говорил о политике Москвы, которая фактически направлена против сербов. “Нам не нужны оружие и снаряды, но моральная поддержка необходима. Если бы Россия прислала к нам в штаб хотя бы одного отставного генерала, а можно и полковника, то натовцы бы подумали, что русские нам помогают. Ему бы ничего не пришлось делать. Мы бы его кормили, оберегали и иногда бы “случайно” показывали в войсках или журналистам. Это бы и дух нашей армии подняло. Вы же знаете, как у нас относятся к русским. Но Россия, видно, отказалась от Балкан. Неужели она не понимает, что после нас ей самой придётся столкнуться с такими же проблемами? Мы должны укреплять военное сотрудничество. Но ваши политики считают иначе. Они поплатятся за это. История не прощает предательства”.

Выступление в Гаагском трибунале – опыт не из лёгких

В феврале 2003 года я выступала в Гаагском трибунале в качестве научного эксперта. Защищала сербского генерала Станислава Галича. Впечатлений много и разных – и о том, как работает трибунал, и о качестве процесса, о сербском генерале Станиславе Галиче, которого мы защищали, и о команде профессионалов-адвокатов. И почти нет – о городе, который я так и не успела посмотреть.

Генерал Галич, который командовал Сараевско-романийским корпусом в районе Сараева в 1992–1993 годы, был арестован натовцами 20 декабря 1999 года. Его обвиняли “за преступления против человечности и нарушения правил ведения войны”, за организацию снайперской стрельбы против гражданского населения Сараева, за блокаду и обстрел Сараева.

Я приехала в Гаагу 9 февраля 2003 года, когда своих свидетелей представляла защита. Перед судом уже прошли 10 свидетелей (среди них были двое русских и двое украинцев), теперь предложено было заслушать 6 экспертов – баллистов, медиков, юристов, военных, психологов. Я представляла историческую науку, говорила об истории развития кризиса, делая упор на роли международных организаций во время войны в Боснии и Герцеговине.

* В Дейтоне в 1995 году был подписан мирный договор по Боснии и Герцеговине.

Эксперты говорят после свидетелей. Останется ещё заслушать заключительное слово обвинения, защиты, и затем будет вынесен приговор.

Здание Международного трибунала в Гааге производит тягостное впечатление. Внутри – гнетущая атмосфера то ли из-за царящей здесь несправедливости, сломанных судеб, то ли из-за часто неоправданных строгостей внутреннего режима. Когда тыходишь в здание Международного трибунала в Гааге, то нигде не можешь ходить без сопровождения. Один стражник ведёт тебя от входа до комнаты свидетелей, другой обслуживает в процессе ожидания и перерывов, помощник судьи тебя сопровождает в зал заседания. В комнате свидетелей тебя закрывают на ключ, ты ждёшь своей очереди или отдыхаешь в перерыве заседания. Комнатка маленькая – 5 на 4 моих женских шагов. В ней – диван, кресло, стул, небольшой журнальный стол, холодильник с фантой и колой. Окно зашторено. Скрашивают твоё ожидание всегда горячий кофе в кофеварке, кипяток для чая. На полочке – игры: шахматы, нарды, карты. Есть ручки и блокноты, несколько хорватских журналов. Если надо выйти в туалет, то звонишь по местному телефону, и сразу появляется девушка, которая ведёт тебя долгими коридорами, открывая своей карточкой несколько дверей. Серьёзное дело. Сам не пройдёшь. Мне пришлось 10 февраля прождать в этой комнате с утра и до двух часов дня, поскольку предыдущего эксперта – баллистика из Белграда – судьи допрашивали очень серьёзно. Моя очередь в тот день так и не наступила. А на следующий день был выходной – ООН и все международные организации отмечали Байрам. Меня начали слушать, а это к обиде эксперта называется “перекрестный допрос”, только в среду 12 февраля. В начале заседания ты повторяешь клятву говорить только правду и ничего, кроме правды. После этого ты уже ни с кем не можешь общаться – ни с адвокатами, ни с работниками суда. И сколько бы дней ни продоллся допрос, ты находишься в полной изоляции.

Я представила Трибуналу экспертизу на 120 страницах на сербском и английском языках. После ознакомления с текстом суд согласился допросить эксперта. Я видела свою задачу том, чтобы объективно показать развитие событий, уйти от “официальной” версии, которая часто грешит субъективизмом и схематизмом, представить суду аргументы, которые бы поколебали их “установку”, даже попытаться найти новые документы, на которые суд не обращал внимание. Писала я о причинах кризиса в Боснии и Герцеговине, о раскладе политических сил в 1990–1992 годах, о сути конфликта и военных столкновений, позиции сторон и их вооружении, деятельности международных организаций по урегулированию конфликта, о ситуации в Сараеве. Здесь особое внимание было уделено страданиям сербов, которых тысячами убивали в 1992–1993 годах в городе. Об этом вообще мало кто писал, а документов существует много. И так далее. Вопросов поднималось много, но все они так или иначе касались предмета обвинения.

Эксперт подвергается допросу со всех сторон: сначала задают вопросы адвокаты, потом – обвинение, затем – судьи, затем снова защита, обвинение, снова судьи. По плану судей, меня должны были допросить быстро, в течение полутора часов. Но меня допрашивали два дня. Трудность заключалась в том, что эксперт не имеет права пользоваться конспектами, записями, другими бумагами, кроме текста экспертизы. Поэтому приходилось держать в голове большое количество данных – цифр, дат, имён, цитат, резолюций, сносок, текстов документов. Надеюсь я тогда, что аргументы экспертизы будут полезны суду, что судьи воспользуются возможностью показать свою объективность. Увы...

Когда я вошла в зал, где шёл процесс, то очень волновалась, угнетающе действовала вся обстановка зала, ритуальность жестов и действий, которые нельзя было нарушать. Но как только я поняла, что знаю намного больше, чем они со своей предвзятостью, то сразу захотелось “побороться”. И, как мне кажется, это удалось.

Генерал Галич на процессе выглядел спокойным, хотя и несколько усталым. Он внимательно следил за перепалкой сторон, постоянно переговаривался с адвокатами, вёл свои записи. Могу рассказать об одной приятной для меня вещи. В конце второго дня заседания генерал написал мне благодарственное письмо и передал его через адвокатов. Очень тронули следующие слова: “Большое счастье, что Вы здесь сказали правду...”, “Очень Вам благодарен от имени всех сербов и своего личного имени...”, “Было бы большой

ошибкой для Вас, а особенно для нас, если бы Вы не появились в качестве эксперта здесь в суде. . .”

Сложно пересказать все вопросы, которые мне задавали. Остановлюсь на основных. Я пыталась обратить внимание суда на то, что прослеживается определённая закономерность в создании провокаций, за которыми следовало наказание лишь одной стороны конфликта – сербов. Так, за взрывом в очереди за хлебом на улице Васе Мискина в Сараеве 27 мая 1992 года, в котором были обвинены сербы, последовало введение санкций против Югославии 30 мая; после первого взрыва на рынке Маркале 5 февраля 1994 года, в котором опять же обвинили сербов, последовало начало участия НАТО в бомбёжках сербских позиций. Маркале-2 по той же схеме произошёл в августе 1995 года. И хотя российским офицерам удалось доказать невиновность сербов, наказание всё-таки последовало. Их натовцы бомбили после этого случая уже две недели.

О введении санкций, о взрыве на ул. Васе Мискина и о Маркале-1 мы дискутировали в трибунале два дня. Я пыталась доказать, что существуют высказывания высокопоставленных деятелей международных организаций, согласно которым в ООН были первоначальные экспертизы баллистов, доказывающие невиновность сербов. Об этом писали и говорили Дэвид Оуэн, Ясуши Акаши, Майкл Роуз, лорд Каррингтон. Лорд Оуэн в своей книге даже называет причину, по которым эти сведения скрывались от общественности. Суду бы надо было затребовать эти документы в архиве ООН. В этом и должна была, на мой взгляд, проявиться объективность трибунала. Но особого желания у судей “копать” в этом направлении я не заметила. Чаще вопросы касались мелочей – уточнение страниц, источников, кавычек в цитатах, опечаток, адекватности сербского и английского переводов. Особенно некомпетентным выглядели представители обвинения. Мне даже доставляло удовольствие разбивать их аргументацию, поскольку они плохо владели материалом, если он выходил за рамки существующей в их головах схемы.

Когда моё знание предмета казалось судьям слишком хорошим, они требовали отвечать по схеме “да или нет”. Я согласилась попробовать. Первый же вопрос звучал так: “По Вашему мнению, блокада Сараева являлась полной?” Я невольно улыбнулась, потому что сразу заметила в вопросе подвох. Ответила, что не могу ответить ни да, ни нет, потому что формально блокада была полной, но с другой стороны, существовал тоннель, который снабжал город самым необходимым, существовали другие выходы из города. Когда я предложила показать на карте эти маршруты, то судья замахал руками: “Не надо, не надо, мы всё знаем!” На процессе был случай, когда долго обсуждали вторичный документ – пересказ заседания Скупщины РС одним из младших офицеров, который искажил услышанное на заседании. Я предложила обратиться к материалам самой Скупщины, но получила резкий отказ. И мне было понятно, почему: в стенограммах Скупщины не было компрометирующих генерала Галича материалов.

Адвокаты требовали освободить генерала. Прокурор предлагал пожизненное заключение. Суд вынес вердикт – осудить генерала Галича на 20 лет тюрьмы. Но. . . впервые в истории трибунала среди судей не было согласия. Колумбиец Рафаэль Нието-Навиа не поставил свою подпись под решением судей и высказал своё “особое мнение” – предложил осудить генерала на 10 лет. Свои доводы он изложил на 350 страницах (!). Среди аргументов, естественно, и наши, всех экспертов и свидетелей. Однако обжалование приговора потрясло знатоков права: генералу Галичу изменили наказание в сторону его усиления. Генерал был осуждён пожизненно. . .

Встреч на балканских дорогах было немало. А ещё – участие в конференциях и круглых столах, чтение лекций, комментарии на радио и телевидении. Был и 1999 год, когда НАТО бомбил Югославию, погромы в Косове, цветные революции в Сербии и Македонии. Обо всём этом – в книгах и статьях, число которых уже перевалило за 600. Сегодня и Россия по-другому смотрит на Балканы, и Сербия – на Россию. Но Балканы дымятся по сей день, болевых точек и нерешённых проблем немало. Поэтому и работы предстоит ещё очень много. “Лучше уж так, чем быть вечно ждущим. Покой – лежащим, дорогу – идущим!”